

Севастьянова В.С. ©

Доктор филологических наук, доцент,
кафедра иностранных языков для профессиональной коммуникации,
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

«ПУТЬ» В ПОЭЗИИ Ф. ГЕЛЬДЕРЛИНА: О СТРАННИКАХ И СКИТАЛЬЦАХ

Аннотация

В статье исследуется эволюция мотива пути в творчестве Ф. Гельдерлина, а также трансформация лирических героев, постепенно превращающихся из странников в скитальцев, страдающих от бессмысленности и бесконечности своего движения.

Ключевые слова: поэзия, романтизм, Ф. Гельдерлин, путь, странник.

Keywords: poetry, romanticism, F. Hölderlin, the way, wanderer.

Поэты-романтики утверждали новые модели взаимодействия человека и мира, казавшегося им «близким и знакомым, и все-таки таинственным»; мира, в котором «за всем конечным чувствуется бесконечное» [5, 172]. Два полярных мира, сосуществующие в одной душе, или, вернее говоря, душа, разорванная на части, «бьющаяся» и постоянно мечущаяся между ними и при этом жаждущая покоя, – это один из характернейших образов романтической поэзии [2, 147]. Эти раздвоенность и метания воплотились в мотиве пути – движения от несовершенной повседневности к идеалу, из настоящего в прошлое, от конечного в бесконечность...

Одно из своих наиболее ярких воплощений романтический мотив пути получил в творчестве Ф. Гельдерлина, для которого истинным домом человечества была богатая присутствием богов античность, а целью существования лирического героя стал путь к «далеким берегам»:

Was ist es, das
An die alten seligen Küsten
Mich fesselt, daß ich mehr noch
Sie liebe, als mein Vaterland? [8, 472]

Что это, что
К древним блаженным берегам
Приковывает меня так, что еще больше
Их, чем свое отечество, люблю?

Г.-Г. Гадамер, анализируя данные строки Гельдерлина, говорит: «Поэт начинает словами своей любви к Элладе, и мы знаем из его поэзии <...>, что для него отличает греческую жизнь от жизни в своем отечестве: что там боги являются среди людей, вступают с ними в супружество, что «божий образ» «живет среди людей». Жалоба о конце этого богонаполненного полудня греков – самый нам знакомый тон гельдерлиновской поэзии» [3, 210]. Действительно, Гельдерлин жалуется на то, что золотой век для человечества уже далеко позади. Такие слова, например, он вкладывает в уста героя своего романа «Гиперион»: «<...> теперь по земле ходят мертвецы, а в могиле лежат живые люди-боги <...>» [4, 213]. Мы видим, что Гельдерлин подчеркивает прошедший характер совершенного бытия, томление по желанным берегам сковывает (fesselt), то есть лишает свободы.

Движение сознания внутри раздвоенной поэтической реальности, безусловно, имеет место и в стихотворении „Der Wanderer“ («Странник»):

Одинокий, я стоял и смотрел на африканские пустынные
Равнины; с Олимпа лил огненный дождь.

Вдали простирались осколки гор, напоминающие живые мощи,
Пустые, одинокие и голые виднелись их вершины...

Побывал я и на ледяном полюсе; подобно оцепенелому хаосу,
Вздыхалось ввысь море.
Скованная мертвой снежной оболочкой спала жизнь;
И ледяной сон напрасно ожидал своего дня...
Я успел состариться, ледяной полюс убелил мою голову,
И под солнцем юга выпали мои кудри [8, 310].

Здесь лирический герой говорит о полюсах, которые он ощущает в собственной душе. Еще более определенно Гельдерлин обозначает раздвоенность «Я» и метания между двумя полюсами в наброске к этому стихотворению: «Во мне юг и север. Меня жжет египетское лето. / И зима полюса убивает во мне жизнь» – [8, 305]. Как безжизненные пустыни и жаркое солнце «юга», так и льды и снега «севера» – это силы, которые его одновременно притягивают и отталкивают, заставляя совершать непрекращающееся движение в поисках если не абсолютной истины, то хотя бы того, что могло бы его утешить в качестве истины относительной. Такой истиной, а заодно и целью странствия в данном случае является «счастливая родина», где можно «мирно покоиться среди цветов».

Оппозиция «юг» – «север» представляет собой поэтическое осмысление философских концепций романтизма, в частности, представления о мире как о непрекращающемся движении. Бытия неподвижного и законченного не существует: все движется, все изменяется, и каждый конечный предмет внутри себя заключает такое же бесконечное существование, а то, что представляется конечным и неподвижным бытием, есть только граница бесконечного процесса становления. Однако хотя путь – основное состояние людей в земной жизни, звучит у Гельдерлина и мотив бессмысленности, бесцельности пути:

А нам нет приюта
Никогда и нигде
Исчезают и падают
Страдающие люди.
Всегда вслепую
С часу на час,
Как падают воды
С камня на камень,
Из года в год,
Вниз,
В неизвестность [8, 331].

Человек здесь наделяется чертами бездомного. Бесприютность превращает странника в скитальца, причем состояние скитания становится навязчивым и утомительным. Ощущение томительной предопределенности одного и того же пути создается благодаря повторению расставленных на нем пространственно-временных указателей «с часу на час», «из года в год». Кроме того, сочетание глаголов «исчезать» и «падать» указывают на характер «пути»: в данном стихотворении мы встречаем мотив пути как «движения вниз» («...падают люди /...Вниз, в неизвестность»). Эффект «нисхождения» усиливается через своеобразное оформление стиха: в виде спускающихся вниз ступенями строк.

В подобном контексте вполне закономерной представляется мысль о завершении пути как избавлении и обретении покоя:

Радостный возвращается лодочник к тихим водам
С далеких островов, где он собрал урожай;
И я бы хотел вернуться на родину;
Но что я, кроме страдания, насобираю?
Вы, дорогие берега, которые меня воспитали,

Уймете вы страдания любви? ах! вернете мне,
Вы, леса моего детства, когда я
Вернусь, бывшее спокойствие? [8, 324]

В приведенных строках выражается неуверенность в возможности достижения желанного результата, и тем самым ставится под сомнение целесообразность движения вообще. А в стихотворении „Hyperions Schicksalslied“ («Гиперионова песнь судьбы») создается картина уже полной неподвижности:

Победившие судьбу, как спящий
Младенец, дышат Божественные;
Сохранив целомудрие
В нераскрывшемся бутоне,
Вечно цветет их дух,
И блаженные глаза
Смотрят в тихой
Вечной чистоте [8, 331].

Таким образом, именно отсутствие движения (и сон как его воплощение) становятся желанным для человека состоянием. С ним Гельдерлин связывает такие мотивы и образы, как преодоление судьбы, вечная чистота, тишина, отсутствие страдания, то есть все то, что его герой хотел бы найти на своей далекой родине.

Более того – в построениях Гельдерлина возникает и мотив полной неподвижности, желанного умирания, а также связанный со смертью и умиранием образ «священного пламени», одновременно поглощающего земное тело и возрождающего к новой жизни. Смерть в жерле вулкана избирает для себя Эмпедокл, герой одноименного стихотворения:

Жизни ищешь ты, ищешь, и вырывается и сияет тебе навстречу
Божественный огонь из глубины Земли,
И ты во внушающем трепет вопрошании
Бросаешься вниз, в пламя Этны [8, 382].

Традиционно самоубийство античного философа связывается с темой познания природы человеком, когда «поиск жизни» и «вопрошание» – это поиск истины и вопрошание о ней. В частности, Н. Берковский называет Эмпедокла «мучеником от неполноты познания», томимым желанием «абсолютности», той гармонии, которая снимет проклятье, разделившее его с природой и другими людьми [1, 172]. И его смерть в кратере Этны – «расплата за высокомерие по отношению к божественной природе». В самом деле, нельзя отрицать связь следующих гельдерлиновских строк с идеей существования вины человека перед природой:

Ты сам виноват, несчастный Тантал,
Ты осквернил святыню,
Своей дерзкой гордыней ты разорвал прекрасный союз,
Презренный! Когда гении мира
Предавались тебе с любовью, ты думал
О себе и мнил, жалкий глупец, себе
Уподобив милосердных, что они
Божественные, служили тебе подобно глупым рабам... [8, 95]

Единственным разрешением такого конфликта с богами и природой (оскверненной святыней) и искуплением непомерной гордыни возмнившего себя равным богам человека может быть только смерть [7, 226]. В судьбе Эмпедокла усматривается также и пример

радикального слияния с природой (растворения в ней), буквального возвращения [6, 15]. Свидетельство оправданности подобного мнения можно встретить, например, в созданном Гельдерлином в процессе его работы над драмой об Эмпедокле философском трактате «Становление в исчезновении» (Das Werden im Vergehen), в котором слово «растворение» (Auflösung) постоянно используется в качестве синонима понятия смерти.

Однако смерть как искупление вины или как опыт слияния с природой является все же не единственным вариантом проявления проблемы смерти и умирания в поэзии Гельдерлина. Лейтмотивом, проходящим буквально через все его стихотворения, где решаются проблемы жизни и смерти, становится, как это ни парадоксально, одновременно желание смерти как возможности избавиться от утомительного (бесконечного) движения с одной стороны, а с другой – стремление через умирание конечному придать статус бесконечного.

Литература

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии.
2. В.С. Севастьянова – «Весь ужас переставшей пустоты...»: трагедия творения в художественном пространстве русской поэзии 1920-х гг. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 146 – 153.
3. Гадамер Г.-Г. Гельдерлин и античность // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991.
4. Гельдерлин Ф. Гиперион. М.: Наука, 1998.
5. Жирмунский В.М. Немецкий романтизм и современная мистика.
6. Карельский А.В. Социально-этическая проблематика романтизма в трагедии Фридриха Гельдерлина «Смерть Эмпедокла» // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 9. Филология. 1992. № 4. – С. 3 – 18.
7. Севастьянова В.С. Поэтика не-бытия в русской литературе 1900-1920-х гг. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.01.01 / Литературный институт. – Магнитогорск, 2012.
8. Hölderlin F. Sämtliche Werke und Briefe. 1. Band. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar, 1970.